

Смена

Сибирская
касса
П. Давыдов

XX
101

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1930

№ 22

Фото А. Родченко

10 коп.

БОРЬБА ЗА ХЛЕБ — БОРЬБА ЗА СОЦИАЛИЗМ!

НА СНИМКАХ: Одесско-Николаевский зерносовхоз собирает урожай.
Слева — походный «плакат» ударной бригады, работающей на уборке.
Справа — погрузка зерна. Внизу — тракторная колонна выходит в поле.
Комбайны — на работе.

XX 101/1
Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи. Орган ЦК и МК ВЛКСМ—Изд. „Молодая Гвардия“

Ответственный редактор С. Камрал. Заведующий редакцией Я. Юдицкий.
Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, 6, изд-во „Молодая Гвардия“,
редакция журнала „Смена“. Телефон 2-35-26.

№ 22 АВГУСТ 1930 г.

ГОТОВЬТЕСЬ К МЮД'У, ТОВАРИЩИ!

ВСТРЕЧАЙТЕ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК ПРОЛЕТАРСКОЙ МОЛОДЕЖИ ГУЛОМ
БОРЬБЫ ЗА ПЯТИЛЕТКУ В ЧЕТЫРЕ ГОДА. НОВОМУ ХОЗЯЙСТВЕННОМУ ГОДУ
НАВСТРЕЧУ ДВИГАЙТЕ ВСТРЕЧНЫМИ ПРОМФИНПЛАН. ПРЕВРАТИТЕ МЮДОВСКУЮ
ДЕМОНСТРАЦИЮ В БОЕВОЙ СМОТР УЧАСТИЯ КОМСОМОЛА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ
СОЦИАЛИЗМА

НА ДЕМОНСТРАЦИЮ.

Рис. А. ДЕЙНЕКА

„ЗА ФАШИСТАМИ МЫ НЕ ПОЙДЕМ!“

С. Аргутинская

Моравска Острава — небольшой чехословацкий Донбасс. Здесь работает 270 тысяч рабочих. Округ охватывает 30 километров непрерывной массы шахт и заводов. В районе — ряд городов, соединенных транзеем.

Здесь в Витновцах находится один из самых больших заводов Чехо-Словакии — вагонный завод, где работает 20 тысяч рабочих. Завод этот выплавляет наши заказы по части мостов. К заказу СССР рабочие относятся с исключительным вниманием.

Недавно один из рабочих пришел к администратору:

«И ужас в чеху отгинались части казакки № 18РВ. Теперь мы узнали, что это заказ СССР. В работе допущена ошибка: необходимо ее исправить, чех уполномочил меня сказать об этом».

Моравска Острава в настоящее время один из наиболее революционных центров Чехо-Словакии. За последние три месяца партия развернула здесь работу неплохо. Рабочая неделя здесь длится три дня и наиболее обеспеченные рабочие четыре дня не работают и ничего не получают.

Груминг угля зарабатывают здесь 250 корун¹ в месяц. Из этого заработка около 60 корун работница вносит в фонд социального обеспечения.

«И жить нельзя, и умереть нельзя», говорит работница.

В связи с тяжелым материальным положением рабочих комитменты здесь сейчас серьезно подготовку к забастовке. Забастовке этой существуют и те рабочие, которые пока еще идут за социал-фашистскими и фашистскими организациями. Предполагают, что она охватит 50 тыс. рабочих.

На днях социал-демократы устроили на шахте «Сузах» собрание рабочих, до сих пор сочувствовавших им. Выступившему фашисту рабочие говорить не дали.

«Уберайся. Горняк не говорит с фашистами».

Увидя боевое настроение рабочих, секретарь с.-д. партии послал за подкреплением. Приехал на автомобиле с агитаторами. Но, несмотря на это, шахтеры единогласно приняли нашу резолюцию.

¹ Корун = 6 коп.

Пикет забастовочный в Мансфельде.

Похороны негра Т. Левя — жертвы полицейско-фашистского разгрома в негритянской квартале Ньютона.

— Только красные профсоюз борются за права рабочих. Все остальные — агенты каптала, за ними не пойдем.

Меньшевики в своих газетах объявили требования горняков «бессмысленными». Убедившись в том, что рабочие не сочувствуют этому, они внесли поправку.

— Мы этого не говорим. Машинистка напутала.

За последнее время в Моравской Острове все чаще и чаще — уличные выступления и демонстрации.

В день рождения президента Масарика здесь, как и во всей Чехо-Словакии, должен был состояться национальный праздник: шествие с флагами, митинги, гулянья. На площади Масарика, где собралась толпа и стоял полицейский оркестр, коммунисты раздавали листовки и агитировали за демонстрацию протеста. В результате полиции пришлось прекратить празднества. Оркестр отложил инструменты в сторону и ввязался за резвые дубинки. Произошел уличный бой. Двое полицейских были ранены, 16 рабочих арестовано.

К моменту начала собрания, где стоял мой доклад о СССР, протиснуться в зал уже было невозможно. Рабочие стояли плечом к плечу. В зале, рассчитанном на 800 человек, было около 1300. Были здесь и рабочие социал-демократы.

Так велик среди рабочих здесь интерес к «стране обетованной» — СССР, о которой буржуазные газеты сообщают самые невероятные клеветнические измышления. Доклад мой все время прерывался дружными возгласами сочувствия, одобрения политики и работы в СССР.

Когда я говорила о том, как смеялись бы наши рабочие, прочитав в буржуазных газетах, будто мы колесеем, выкалываем глаза, зарываем жемьяны в землю пополам — слушатели закричали:

— И мы не верим этому, совдружка! не верим. Скажи об этом московским рабочим!

Когда я заговорила о патилетке и ее достоинствах, поднялась буря восторга. Кричали все:

— Да здравствует патилетка, да здравствует СССР, да здравствует советская Чехо-Словацкая республика.

Когда шум несколько стих, полицейский чиновник, сидевший спиной к толпе, обернулся и указал пританцовывая в толпе передым агентам на высокого молодого рабочего:

— Этот кричит. Возьмите его!

Агенты схватили парня за руки, он стрыкнул их с себя. Его ударили, на лице показалась кровь. Четыре агента снова схватили его, ударили еще несколько раз по голове кастетом и повели к дверям. Толпа заволновалась, заколыхалась, сызла агентов. На полу в середине зала закружился огромный клубок тел. Завнезили стаканы, посе-

¹ Товарищи.

тели стояли. Через несколько минут два агента, сильно избитые, выскочили и убежали. У дверей они попытались стрелять, но рабочие им не дали. Молодежь, участвовавшая в свалке, удалось выпрыгнуть в окно вместе с арестованным. Прибывающий отряд жандармов арестовал человек десять.

Квас и узиала подчас, молодой товарищи, на которого указал агент, совсем не кричал. Комиссар решил, зная его, как активиста, воспользоваться удобным случаем для ареста.

На другой день, на собрание в Острове меня повели кружным путем, отобрав у меня портфель и дали мне на руки ребенка. Благодаря этому, кордон жандармов у вокзала спокойно пропустил меня и, в виде исключения, я дошла до места собрания без провожающих меня настояно шипков. На месте узнали, что собрание запрещено.

Товарищи решили устроить митинг в другом месте и ушли, оставив меня ожидать их.

— Тебя не возьмем, за тобой 10 шпеклов пойдет.

И действительно, через пять минут за столом напротив меня уселось четыре агента, усмехно делавших вид, что они не обращают на меня внимания.

За другим столом, неподалеку от меня, также сидела группа людей: к ним приходили время от времени другие люди, у дверей, незаметно для агентов, расклаивающиеся со мной. Кто эти люди, я не знала.

Через час, не дождавшись товарищей, я решила ехать. В коридоре меня остановили: Не уходи одна. Еще нельзя. Здесь полчася проводи.

Я поняла, что рабочие организовали для меня охрану, чтобы меня не арестовали незаметно для них.

Через полчаса я вернулась, мне кивнули.

— Теперь идем!

В коридоре ресторана меня остановили трое.

— Вы така-то? Я комиссар. Где вы ночевали? У кого?

Я ответила, что ночевала у товарища, имени и адреса не помню. Комиссар предложил мне следовать за ним. Довели до трамвая. Издали меня прождал человек 30 рабочих. У трамвая встретили меня четыре жандарма с винтовками и еще несколько агентов. Следом за нами прибежал посланец Сливка, назвавший рабочих. Он шелнул мне, что митинг прошел прекрасно: караулы меня, полиция прозевала собрание.

В Моравской Острове после громовых речей посланца в участке полиция отпустила меня, сказавши предупредить в другом отделе для меня комнату.

— Здесь и поуйте. Нам так удобнее. Выступать больше не позволю.

И действительно, четыре собрания в районе Моравской Острове были воспретены.

В КОНТРО-НА-СТУПЕНЕ.

15 августа в Колонии зале Дома Союзов открылся V конгресс Профинтерна. Тысячами и десятками тысяч трунов усеял десятилетний путь Профинтерна. Несмотря на это, несмотря на нестабильный фашистский террор международной буржуазии, рабочий движение идет вверх, и именно усилие объединенного фронта предпринимателей, реформистов и оппортунистско-предателей не в силах остановить его. Центральный вопрос конгресса — вопрос об организации экономических боев пролетариата, в которых рабочая молодежь капиталистических стран начинает принимать все более активное участие. В XVI ЮИД эта молодежь выйдет на улицы, чтобы доказать свою готовность драться не только за свои экономические, но и за свои политические интересы — за интересы мировой пролетарской революции.

Врослые рабочие — плохой товар, он не в ходу на международной ярмарке капиталистической рационализации. Годовыми сотнями тысячами толпами бродит по улицам капиталистических городов. Дети счастливые — за 10—12 часов работы у предпринимателя они получают треть или четверть отцовского заработка.

Но вместе с ростом значения молодежи в процессе производства растет ее значение в процессе классовой борьбы, и от этого не умиротворяет буржуазия. Самостоятельные забастовки рабочей молодежи становятся все более частым явлением в крупнейших буржуазных державах. Еще никогда молодежь не принадлежала к такому действительному участнику экономических боев взрослых, как теперь. Все это заставляет исторически наших врагов. Буржуазное государство не удовлетворяется тем, что при помощи реформистских профсоюзов, церквей, полиции, полиции изо дня в день отравляет сознание миллионов масс молодежи, превращает ее в покорное, глухое стадо, неспособное на борьбу. Буржуазное государство создает еще новую систему так называемых «свободных» организаций, где происходит окончательное духовное закаление молодого поколения рабочего класса. «У тех 80 тысяч рабочей молодежи, которые входят в организации короля французской тяжелой индустрии — Вендела, забраны пролетарскую душу» (из доклада тов. Мавильского на пленуме КИМ).

Сейчас в Москве заседают V конгресс Красного Интернационала профсоюзов. Он совпал с 10-летием существования Профинтерна — десятилетием борьбы за поднятие интереса рабочего класса, за полное революционизирующее широких масс, против Амстердама и его лакейской политики, против штрейкбрехерства, оппортунизма и всякого рода шатаний в собственных рядах. Внимание рабочей молодежи всех стран будет приковано к работам этого конгресса, соврешающегося в такой исторический период, когда на весь мир гремит шаг пролетариата СССР, совершающего железный марш к социализму, и гром этих шагов свивается с гулом нового революционного подъема на Западе.

На V конгрессе Профинтерна обсуждается ряд вопросов, непосредственно касающихся рабочей молодежи. Если на последнем конгрессе Амстердамского Интернационала «забыли» об индийском вопросе, как всегда «забыли» указывать революционной молодежи путь к достижению ее требований, то в V конгрессе красных профсоюзов вопросы борьбы рабочей молодежи пользуются выдающим вниманием. Одновременно с конгрессом собралась I Международная конференция молодежи, в которой принимают участие больше 50 делегатов из главнейших капиталистических стран и большая делегация от организованной в профсоюзы рабочей молодежи СССР. Понятно все колоссальное значение этой конференции, работа которой должен будет изучать каждый молодой пролетарий.

Участие молодежи в экономических боях и задачи революционного профиндустриализма — вот первый вопрос, который обсуждает конференция. Она даст твердую установку по вопросу о втягивании молодежи в экономические бои. В прошлом мы имели очень много оппортунистических извращений в понимании и практике этого дела: отказ выступать вопреки индивидуальным учебным договорам, лишением учеников права стачек, отказ от образования юношеских секций при красных профсоюзах на производственной основе, отказ от выставления молодежных кандидатур на выборах в фабзавкомы и др. Все это измело место, несмотря на то, что IV конгресс Профинтерна дал в этих вопросах совершенно правильную и четкую линию.

Очень слаба работа юношеских секций в красных профсоюзах, а в нашей работе в реформистских секциях молодежи мы имеем определенный упадок. Этот шаг назад является результатом правых тенденций, ставших перед напором реформистов, а также нежелания еще «делого» сествства, игнорирующего значение юношеских секций и расширяющего своих членов профсоюзов как социал-фашистов.

Как должны работать красные юношеские секции среди масс рабочей молодежи? Среди молодых работниц? Среди безработной молодежи? В чем должна заключаться деятельность РЮО (Революционной юношеской профсоюзной)? Как бороться против фаншизации рабочей молодежи, против отчуждения молодежи от борьбы старшего поколения рабочего класса, против образования рабочей аристократии и кадров штрейкбрехеров, против лодной лжи о Советском Союзе, который кормит в школах

подростков? Конференция отвечает на все эти жгучие вопросы. Наконец обсуждается вопрос о профобразовании в СССР и в капиталистических странах.

Рабочая молодежь всего мира будет знать о решениях V конгресса и I Международной конференции, и эти решения помогут ей лучше осознать свое место и свои задачи и в ближайшем в истории последнем и решающем бою с капитализмом.

Близится XVI Международный юношеский день. Пусть грянут Цюрих и Маконалды, Гуэро и Бриан — никто в мире не сломит пролетарской революции и никакая смерть не страшна для юных борцов, взращенных рабочим классом для того, чтобы эту революцию победоносно закончить!

за одну вторую половину 1929 г. мы имели 10 самостоятельных стачек рабочей молодежи в Германии, 13 — во Франции, 7 — в Польше, юношеские забастовки в Саси, южной Америке, Китае, Индии и т. д. рабочая молодежь борется против капиталистической рационализации, снижения заработной платы, за замедление темпа конвейера и т. д. эти стачки и забастовки в большинстве случаев начинаются полной или частичной победой сплоченных и настоячивых юных пролетариев.

НА СНИМКАХ: Демонстрация лондонских юнсоюзов. Внизу — группа молодых английских шахтеров, вступивших в мае с. г. в стачку взрослых рабочих.

„ЛИКВИДАТОРЫ“

Очерк М. Смоленского

Судьбы пятилетки бесконечно дороги пролетарскому студентству, вербуемому из лучших рядов рабочей молодежи. Но брошенные на ликвидацию привокзальных студента - коммунисты, комсомольцы, беспартийные Свердловского политехникума встретились с необъяснимым противодействием заводской администрации. Чем оно вызвано? В чем дело? Пусть скажет по этому поводу свое слово отдел кадров ВСНХ.

В Алапаевске на шихтом дворе стоит Николаевка. Двор завален железным ломом. Чего тут только нет? Заводы никогда не видели такой зомы—здесь попадаются и маделские эмалированные ночные детские горшки, и консервные горшки, и болванки и маделские чугуны, и рваные листы кровельного железа, и языки церковных колоколов. Это — «трогательная зомь», плоды усердия привокзальных комсомольских рук. Она согнана сюда со всех концов страны. Мартены жрут эту зомь беспрерывно, и заводы так же беспрерывно кричат: «Нет зомы, дайте зомь!».

Нина Карпова организовала сбор на заводе болтов и гаек. Их пакуют в пакеты в четверть тонны и уже в пакетах отправляют в мартены. Пакуют плохо, гайки и болты рассыпаются. Карпова не принимает таких пакетов—стало-быть, за них не будут платить. Ее матерят. Она отмачивается и заставляет паковать пакеты по-новому.

Карпова стоит при десятнике и рабочих и наблюдает за своевременной подачей зомы в мартен. Она и товарищ ее, смеяный инженер мартеновского цеха Каш, довели завод в мартенах с пяти часов до трех часов тридцати минут.

— Никакой Америки мы им не открыли. Они пробовали это делать когда-то без нас, да бросили. А мы проехали.

Когда оказывается, что во всем Алапаевске и на заводе также нет ни одного местного человека,—так, по крайней мере, удерживают люди, распоразившиеся Карповой,—се бросают в мартен на канаву. Здесь она должна стоять опять при десятнике и рабочих и наблюдать за установкой изоляции и уборкой стальных болванок.

Пар застилает канаву. Машинисту на крыше под потолком не видно, куда ставить изоляционщицу, откуда брать стальные болванки. Двадцать гаюток кричат ему беспрерывно: «Направо! Налезло! Вверх! Вниз!»

— Карпову, послала сюда, говорит:

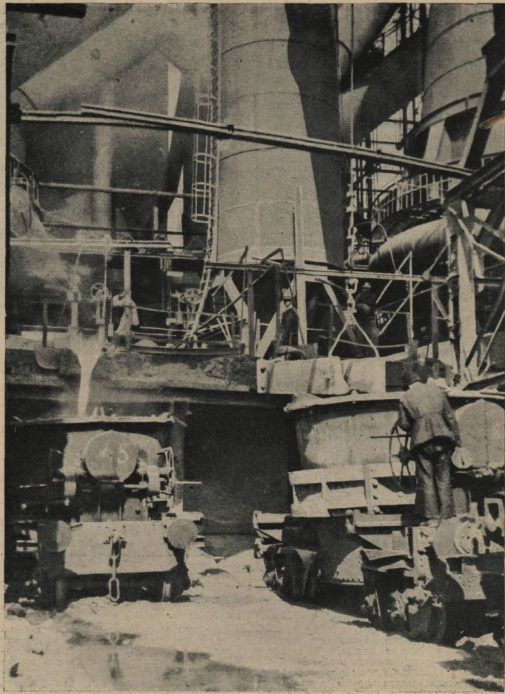
— Чтой канавы была в порьяле!

В Кушле на генераторах мартеновских печей, вернее, при крышках генераторов, стоит Линькова. В генераторы входят только одномерные поленцы. Заводуправление прислало арова для поленцев. Они открыли крышки генераторов, и дым вырывается наружу. Он вызывает кашель и кружит голову. Этот пожар длится круглые сутки. Линькова стоит здесь одну смену. Послала сюда, ей наказали:

— Смотри, товарищ Линькова, чтобы газ в мартены поступал регулярно.

В Надеждинске товарищ Чернобровин каждый день ходит и нукает воздухопроводами. Он отмечает на нем места, где продувает и куда надо прислать слесаря для заделки. Технический руководитель доменного цеха смеется.—«Это может делаться и не надо», платит 280 рублей и которому дали нужную и интересную работу—перезавал из пустого в порожнее.

Бойбрика назначила десятником на долготный медальон. Он следит за работой пяти рабочих, закидывающих материал под бегуны. Бегуны бегают 8 часов и ровно столько же времени Бойбрика тушет.

Мартеновский цех на Тагильском заводе.

Пузырев, Подольский, Гольцов—десятьки на складах ситков и шихты. Вернее, не десятники, а советчики, так как они могут только советовать, но не распоряжаться.

Есть люди, держащие связь между мартеновским и транспортным цехами. Они бегают целыми днями за паровозами, вагонами и машинистами, ругаются, грозят и клянутся.

Есть люди, которые посажены конропниками. Есть, наконец, люди, которых заставили проектировать пустынные, ненужные мелочи. Их могли спроектировать до них, но после них.

Все они тяготеют своим бездельем, всюду ходят и просят работы, расстроены тем, что им не дают ни прав, ни обязанностей, ни ответственности.

Единственное утешение—прорыв требует всякой работы. Поэтому, когда в Кушле не выходит катали на колошник; этих людей поднимают ночью, и они с охотой идут гонять вагоночки и становятся нагребщиками на рудном дворе В Алапаевске, когда впервые пришлоешие в горячие цехи деревянные ребята посреди смены уходят с завода, бросают работу, потому что жарко,—ну вас к черту,

работайте сами!—они становятся в мартене на завалку и в кланку рабочими.

— Нет работы, от которой они отказывались бы. Нет условий, которые их пугали бы. В Надеждинске, например, их по приезде погнали в трех комнатах на полу и застлали по утрам умирать снегом. Потом сместились прислало 20 танцов на 37 человек. Они ни на что не жаловались, просили только одного—дайте работы.

Это—загрязнение инженеры. Им осталось всего две недели до окончания втуза. Они бросили учебу и мобилизовали себя на работу. На Урале их зовут «ликвидаторами»: они послали на завод ликвидировать работу. Даже худшие из них—санкичи—такую кланку они дали голым дебрям, аполитичным людям—включились в этот великий поход на заводы, и в мартене, в прокатке, на шихте, на рудном дворе, на угольном складе, в каубах, в кружках изменились до неузнаваемости. Они загорелись паросом и дракой за проценты, цифры, красные диаграммы, и переходящие красные цеховые знамена.

Это—студенты Свердловского политехнического института. Встревшие рабочие провала-

ми второго года пятилетки, обеспокоенные за судьбы Большого Урала, расстроившие черными досками на порогах металлургических заводов, огибавшие себя мобилизованными на прорыв. Все—студенты, профессора, инженеры, ассистенты. Прежде чем закрыть двери аудитория, они выдержали борьбу и преодолели скептицизм профессоров-металлургов.

В Уралметзе—этом конспиративном штабе уральской металлургии—их встретили холодно. Уралметзу люди не нужны. На техническом совещании, специально для этого созванном, секретарь держал благополучные речи. Все в порядке! План будет выполнен, если придут машины из-за границы, если проекты реконструкции заводов будут утверждены, если наши сметы и наши требования... все в порядке!

Тогда с конспираторами из Уралметза заговорили языком партии. Студентов приняли. Их разбили по два, по три человека по всем заводам. Пришлось доказывать, что это целесообразно. Лучше сбить несколько сильных групп и бросить их на наиболее неблагоприятные участки. Студентам пришлось сесть самым за изучение проналов и прорывов и самим же распределить себя.

И вот Нина Карпова стоит на шихтовом дворе в Алтаевске и она же ордулет на канаве в марте. Линков захватывает в Кушине от дыма генераторов и зловония чивонных голов, Матвеев за 280 рублей переливает из пустого в порожнее, а Чернобровкин пучает трубы водохозяйства. Пузырев, Подольский и Гольдбер состоит соседниками прорывов, а Бобринк тупеет, следя за пятаком рабочих, забрасывающими камни под доломитовые бегуны.

— Им не дали работу!

— Из Свердловска их проводили речаны и речане же встретили на заводах.

— А в пеклах сказали:

— Не им зачинил прорыв—не вам его и кончать.

— Все наши причины и прорывы мы знаем без вас.

— С вами идедем.

— Америку вы нам не открывали и не откроете.

А в мартеновском цехе Надеждинского завода в ответ на требования студентов—описать цех от завали—последовал классический ответ:

— Очистить цех от завали я сам сумею, а вы научите меня, как цех не загромождать.

— Научите его!

В Кушине завсудуший доменным цехом завали, что он примет только двух приехавших студентов-ликвидаторов, хотя «работы до чорта, хватит хоть на десять человек». В мартеновском цехе нехотало сменных инженеров, но заведующий не хотел принять Яковлева, завращенного инженера, сегодня студента-ликвидатора. Пришлось вмешаться партийной ячейке.

Им не дали работать!

Для них се выдумывали, создавая самые несуровые посты и должности. Их ставили надсмотрщиками при десятниках, толкачами, бадельниками и догонщиками. Немногие из них получили настоящую работу. Лишь счастливицы были сменными инженерами. Они приехали на заводы, и вдруг оказалось, что на всем заводе, во всем рабочем поселке нет человека, которого можно было бы поставить десятником, обыкновенным, простым десятником. Как-будто только и ждали их приезда—становись десятником! Хорошо еще хоть десятником, а то надсмотрщиком при десятнике.

А когда некоторые из них, очившись в посты той помощи заводом, которую они рассчитывали принести, закинулись о том, чтобы вернуться вновь в институт на учебу, им из института ответили:

— Дорогие товарищи! Это—иллюзия антиобщественное и недопустимое. Ничкам не место в наших рядах. Бросьте инженерское наследство—гоняйте вагоетки на козалинские, если это надо для ликвидации прорыва.

И они гоняли!

За них дрались партийные организации—от областного комитета до районной ячейки исполнительного. Приезжие комиссии снимали их с черной работы и ставили на работу технических. Председатель Уралметза слал грозные телеграммы.

Ничего! Работы им не дали. И все-таки они много сделали для ликвидации прорывов на заводах Урала.

Они вновь соберутся скоро в Свердловске и на открыток партийного собрания в институте будут держать отчеты.

Товарищ Баринев скажет:

— Мы работали в Чусовой, четыре студента-ликвидатора. Были десятниками—на шихтарнике, на рудном дворе, на подвале. Что делали? Подогнали и нагрелись. У нас была так: на отвале стоял смельчак-деревенский, на другом—ликвидатор, на третьем—помощник сменного инженера. В ночной смене тепло, заводоуправление, видите ли, не дало ламп. Руда смерзлась. Ее приходилось сначала отбивать кайлами, ломом, потом насыпать марганцевыми плохими зопатками в вагоетки. Один рабочий ночью убежал с работы—не в силах. Другой—молодой деревенский товарищ—от шуги раскисался. Нельзя же все время стоять, набухать и глотать. Мы, товарищи, брали свои лом, калло, лопату и сели грузили руду.

Потом вылетел Карпова, потом рассказывал Лынова.

Все что-нибудь сделали, все чем-нибудь помогли!

Но разве это могли они дать заводам, разве для такой технической помощи мобилизовали они себя на заводы и рудники?

Над ними посмеялись жестоко и зло.

А на заводах в Свердловске, из Свердловска а Москву попеременно слетят телеграммы—простые, срочные, молни:

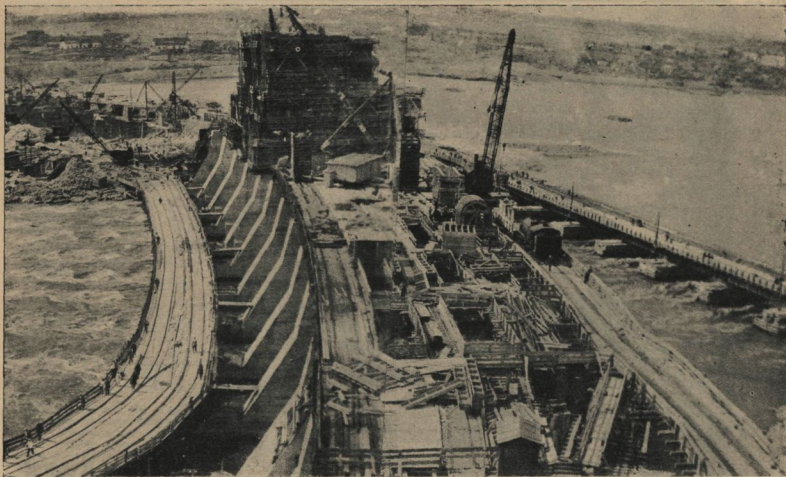
— Кадры, кадры, кадры! Людей, людей, людей! Нету, нету, нету!

Урал, 1930 г.

ЭЛЕВАТОРЫ ЖДУТ ЗЕРНА!

Элеваторы в Ленинградском порту.

Днепрострой.

Фото М. Савича.

ЛЮДИ ДВУХ СИСТЕМ

Очерк Валентины Стасий

Комсомолец Песня рассказывал о производственной коммуне. Из груди отмирающих слов он выхватил слова, отцовское слово «совесть». Его отец—бесправнейший из бесправных, свей царской России, — издавая, рассказывал о поругах: «нет в людях совести, совести нет...»

В юношескую оболочку слова «совесть» новое, босое содержание вкладывает коммунар Песня. На нем—бесправие его отцов. Подвальное детство согнуло спину, сузило грудь. Но когда Песня говорит о труде, в его жалком теле чувствуется огромная сила. — Мы работаем не для монеты, а для совести,—сказал Песня.

В наше время совесть не та, о которой грустна старик-еврей. Совесть — двигатель, один из стимулов в борьбе за социализм.

Я вспоминала Песню, читая сталинский отчет. «Самое замечательное в соревновании в том, что оно производит коренной перепорот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из занорного и тяжелого бременя, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства». Это величайший перепорот не есть что-то совершившееся и закончившееся — он развивается изо дня в день в борьбе, в противоречиях, в преодолении старого рабочего и рабочего отношения к труду, которое воспитал капитализм: «побольше урвать и помешше дать». Наш специальный инсперидент тов. Валентина Стасий рассказывает, как столкнулись лицом к лицу эти два подхода к труду в тракторном цехе Харьковского паровозостроительного завода.

Тов. Стасий говорил на XVI съезде партии, что социалистическое соревнование производит «коренной перепорот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из занорного и тяжелого бременя, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства». Этот величайший перепорот не есть что-то совершившееся и закончившееся — он развивается изо дня в день в борьбе, в противоречиях, в преодолении старого рабочего и рабочего отношения к труду, которое воспитал капитализм: «побольше урвать и помешше дать». Наш специальный инсперидент тов. Валентина Стасий рассказывает, как столкнулись лицом к лицу эти два подхода к труду в тракторном цехе Харьковского паровозостроительного завода.

зарплату. Опыт наших предприятий вызвал к жизни новые невиданные регуляторы: совесть, честь, доблесть. Но фордовские законы не умерли. По ним работают еще множество людей. Невольно вспоминаются слова Ильича: «Рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от гриза старого мира».

На заводах бок-о-бок работают люди двух систем: капиталистической и социалистической труда.

Тракторный цех Харьковского паровозостроительного завода родился два года тому назад. Растет этот малянец скважочными теплами. Весной в тракторном было 1800 рабочих, теперь — три с половиной тысячи. Каждый день в цех приходит десятки во-

вонков и каждый день с предельной прожорливостью цех требует рабочих.

Тракторный — цех молодежи. Редко-редко увидишь лицо, на котором годы труда начертаны географической картой морщин. Тех, кто помнит, как примерзали руки к станкам, — единицы. На вопрос о стариках, комсомольцы отвечают шуткой.

— Стариков много. Кто проработал пять, тот и старик.

Непроницаемый глаз не отличает детали от станка, зато сразу бросается в глаза людское сырье. Многие рабочие кажутся артистами, неудачно загримированными под рабочих. У них еще нет намылов, привычек кадровых рабочих, для которых завод — стихия.

Нехватает рабочих рук. Цех глотает всех: учителей, актеров, служащих, рязвельских крестьян, украинских сынов, детей рабочих, служащих и кулаков, воров, преступников, валютчиков. Точного учета рабочих цеха нет, но есть сухая цифра: засоренность цеха 35 проц. И есть другие позорные цифры: за май цех не додал стране 60 «Коммунаров», за июнь — 65, в мае прогуляно 1010 человеко-дней, ломка инструментов обходится ежемесячно в 20 тысяч.

Люди уходят приносят на завод свои привычки: в цехе нередки драки, девушки у станков воровским движением подмазывают губы. На третью смену они приходят в ирландских пальтах, с намяканными лицами. Здесь же насхеп переодетая и усталая, разбитой походкой идут к станкам.

Снежа в профкоме: девушка в шпаловых чулках, с огромными серьгами в ушах, торчком сыплет слова, отвечая сразу нескольким.

— И не десять дней прогула, а семь. Ну и что же такого? А если и не могу прожить за вадю 60 рублей? Почему не даете лучшую

работу? Что делаю? А хотя бы и гуляю—такое какое дело? Все равно исключить меня из профсоюза не имеет права. Все проговорю. Что? Мой станик стоит? Ну и пусть стоит, чорт его не возьмет.

И снова о плохой работе, о «несчастных» шести чернорабочих, о том, что она свободный человек.

Дети рабочих, от отца унаследовавшие любовь к заводу, красноярцы, сейчас с жаждой квалифицируются, работают старательно. И все же рывачество, разгильдяйство, лень, засоренность цеха завети Тракторный в тулвин. Воспитание рабочих здесь вырастает в огромную проблему выполнения плана.

Но голову профкома недавно сменила, цеховая газета—безузыбные молочные зыбки, сороченивание и ударничество развиты слабо. Человеческое сырье обрабатывают черепашками, преступными темпами.

Тракторный—цех молодежи. Поля ждут тракторов. Цех обрабатывает станку на сотни мощных, тулвинских, многоспиральных тракторов марки «Коммунар». Широкая арена борьбы для комсомольца. Но комсомолом бою не дает. Комсомольцы еще не вступили в ударничество и сороченивание. О коммунках молодежи цех не знает.

Пример—первоклассный агитатор. На примерах коммун тракторного цеха надо учить геронцев будней, разоблачать и клеимить рывачи.

Комсомолец-рабфаковец Кибрик—инициатор, организатор и председатель производственной коммуны рачочников им. 1 Мая. Он объясняет устройство рачочных станков и в его прикосновениях к металлу нежность матеря, ласкающей дига. Еще бы ведь вся жизнь коммунки вертится вокруг лозунгов: коробка в день! Перевозмолнит план!

М Кибрика лицо такое же обыкновенное, как его рабочая будня. Сила нашего времени в том, что обыкновенные, будничные, «серые» люди делают необыкновенные, героические дела, делают героическую эпоху.

Обыкновенные ребята, семья человек близких парней, три рачочных станка.

Необыкновенные для тракторного цеха показатели: 65 коробок вместо прежних 45, брак уменьшился втрое, производительность труда выросла (на некоторых станках до 35%), зарплата выросла на 30 руб. нет прогулов, опозданий. Иногда нет и дней отдыха. В мае, когда часть коммунаров была в отпуску, остальные работали без дней отдыха, часто по две смены. После 16 часов работы, отдохнувши лишь восемь часов, коммунар снова без опоздания становится к станку. Программа была выполнена с перевышением.

Перевышение плана, повышение квалификации, экономия каждой минуты—вот принципы, на которых основана коммуна. Дружно, горячо взялись ребята за дело. Ни слете коммун их выделания, как лучших, достойных премия.

Но просят, цех, масса о них не знает, так же, как не знает о славной коммуне «Тракторист», существующей больше полгода.

На организацию коммуны нацелена простой факт. Ухода с работы, токарь вынул свои инструменты, его сменили вновь налаживал станок, в обоих пропало по два-три часа рабочего времени. В коммуне—инструменты общие и одна цель: сделать больше и лучше. В первый же месяц производительность труда поднялась на 41%, брак почти исчез.

Обе коммуны растут. В обеих—прекрасная дисциплина, хорошо организованный труд, подлинный энтузиазм.

Эти—герои наших дней. Легче смеяться в бою бесшабашную голову, чем изо дня в день, забывая личное, давать образцы труда будущего.

В Тракторном есть герон и фордовской марки. Сель—а молодежь. И те, для которых зарплата—единственное побуждение к труду, тоже организуются. Их цель—по-большому вырвать у завода.

Когда председатель коммуны «Пятилетка в 4 года» Гречаник говорит о задачах ком-

муны, он дедит скучные тачушки слов. Когда речь идет о зарплате, Гречаник загорается. Деньги—вот, что написано на знамени коммуны. Деньги во что бы то ни стало!

— На коммуну работают поденные,—говорит соседи по станкам. При четырех коммунарах работают шесть учеников и инструкторов. Они на твердой окладке. Их работа идет в котел коммуны. Приработок коммуны невиданный—400%. Коммуна не растет. Бригада безусловно росла бы. Выгода—поэтому. Дашь деньги!

Подготовка кадров дается заводу не легко. Коммуне это безразлично. Решение администрации о том, чтобы снять часть приработка, полученного благодаря работе инструктора, встретило бурю протеста.

Мастеру и профком «коммунары» заявили открыто:

— Мы—коммуна, у нас нельзя снимать. Зарботок их—230 руб.

— Но,—говорит Гречаник,—ребята хотели выиграть по 300. Профком дело возмущает а ребята не хотят работать. Посмотрит наряд—сделаю, значит, гулять. Инструктор жалует, что сменишки плохо работают. Распродается коммуна.

К чорту «красные» слова устава, к чорту коммуны—себе дорожке стой!

Три молодежных коммуны. Два лагеря. Люди двух систем. На почетном знамени одной слова Ленина о коммунистическом труде, на знаменах других—слова Форда.

На заводском фронте у прекрасных бойцов нет командиров. Коммунары жалятся: нет поддержки. Масса дремлет. Ее не заражают примеры будничного героизма. Она не знает о них.

Тракторный цех на крутом перевале. Молодежный цех позорит им молодежь.

Поставит к стенке коммуны «Пятилетка в четыре года», сделать достоянием цеха методы работы коммуны им. 1 Мая и «Тракторист», завезет цех доблестно—вот почетное дело для ячейки комсомола.

«У нас мало воспитания масс на живых конкретных примерах—старый ленинский урок. Он жив и сейчас.

Надо учиться травить негодное, показывать хорошее. Тогда коммунистический труд быстрее завоеует массы».

Будущее—за людьми советской, социалистической системы.

Ударник Подомосовского угольного бассейна.

Фото А. Пархомова.

И ЛЮДИ

Очерк 3. Чагана

говнала людей, собравшихся в цехе завода. Приселки в помещении кратко съезды: «Собрание бывших бюро, занимайте места», — стрелителем Иванов говорил о работе. Рабочие формы труда мы видели на плечи машины, не затем, чтобы человека машины. Не выдают рабочим, а рабочий выдает им», — говорит Иванов, — при ов операции, а одновременно балансового равновесие легко по-

хлической мысли родник коп в Америке и в западных странах вершина порабощения рабочего. Обладая машину, она губит стальные приемы, дает быстрее, дешезвизден, перенимает человека, его более внутренне-собранным, новым, коллективным. В социальном дента конвейера преобладат азиатских темпов работы, для но овладеть станком полностью в нем, как в строчках записе- сследования слова посвящения влзго над машиной. Мы — авторы ив вещей низших форм в высшие, в виде кусочек металла превращают механизмы, варяющиеся поверхк, привыкших к плугу и в деревн с сплошном потоке работы измене- человек, он должен у нас преза- водниного социалиста, переде- живизн до корней. Строитель се- шивет глубинных путей превраще- в рабочего не утомляет простая ав операция. Через определенные иедель рабочий будет перехо- вить операции к другой, овладе- вать операциями. Технические рабачий — не в бот, не бот, не а е умный наладчик, кон- вист. Эти мысли сегодня высказо- громко, вслух и повнуше. По- социализм рождает новые мыс- встроения. Громко, вслух, воз- вискана еще мысль о будущем рабачих чехов. Будущий фести- в работы с длительным переио- ром во дворе-клубе, с бодря- в цехе, с книгой в просторной подымет жизнь на ступень драматиче людей и социалиста оренным темом.

Или вслух: «3а Индустриализа- болоную заводу надо создать психический институт, психотехниче- ские лаборатории по изучению очной работы. Заставим точна- пугу найти путь распада и воз- вратить в длительный переио- ром социалист-строитель, выравнивший техник последние две до- ставляет все аппараты, ин- вентарь, как сохранить, сберечь, самое дорогое для нас — челове- в мысли вслух и по-речи своел- дено думать, думать... и де- лать».

Или снова — первый рабочий конве- имельский ленинградского завода

Машина, завод, станки смело задуманы, сделано вышена. Но в первых дней стронки и до последнего дня сырой человеческий материал требовал от строителя-организо- ра наибольших усилий, прозрачности и умелости. Десятки тысяч плотников, камен- щиков, монтажников, гравировщиков, инсталляторов, арматурщиков, слесарей, техников и инженеров нужно было перевоспитать для новых темпов, десятки тысяч людей впоследствии были раставлены так, что ра- бота грохота бурей, штормом. Четырех- этажный массивный дом собирался в двад- цать четыре дни, в несколько раз умень- шались первоначальные сроки американских проектов, американцы сейчас говорят, что «русские очень спешат, им все надо скор- ро». Организаторы Тракторострой выража- ют скорость распиской работы в раз- валку, с раскачкой. Люди создали неиз- мерный темп, они же росли из этого тем- па — встречный процесс, рожденный мудрым руководством организаторов. В начале стро- ительства группы сезоновым подавались назад: «Что же за работа такая». Группа молодых инженеров не училась быстрее в вузах и заводах с жесткой дисципли- ной, имевшего четырнадцать подписей, что Ивано- вич, начальник строительства, болел само- любием, потерял понятие о коллективе, из- чужает антисоветский элемент всякого, кто бежит со строительства.

По понятиям этой группы, деаертиство есть героизм, чуждость — украшение, не- умение вести коллектив ускоренным шагом — услуга перед людьми, жаждущим сталь- ной пахоты.

Потоки труда смыли с подмосток не- нужное, среди возводимых конструкций вы- рстался новый человек, с убыстренным дви- жением, с другим взглядом на природу, ко- торую человек себе подчиняет.

Тракторострой после своего окончания отдал людям огромным строительством свои бригады энтузиастов, которых он, будучи не- бредат, воспитал, назвал соками своей силы, жизни, умения.

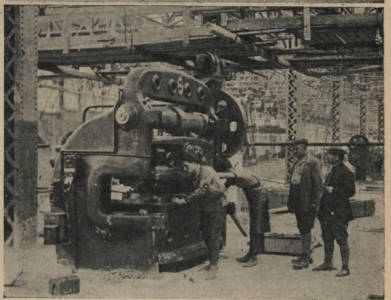
Историческая роль Тракторострой развет- ляется, бежит по стране в разные стороны: на Магнитогорск, на харьковский Трактор- ный, в Сибирь на Кузнецкострой. Эта роль еще более углубляется пуском цехов, кон- вейерной ленты, началом поточной работы.

Завод — не эксперимент, не лаборатория, не опытный институт, но все же универси- тет: всякого универсальный, действительный узел, где станки, живые люди фактом своей работы, ритмом своих движений, переплет конструций, смыслом всей работы ста- тель, рождает, решают загадки будущих дней, проблемы сегодняшних дней.

Инженеры, рабочие, техники научались строить по-настоящему и переискивать в другие места. Завод тоже даст не только тысячи тракторов, а и людей, сформирован- ных лентой и способных формировать дру- гих. Растят ферошовиков новых трудовых взаимоотношений, новых людей. И неправ- да ли: сахарин не при чем там, где выдоль- ден день, где господствуют человек и ма- шина, лабораторию азиатку-природу, сти- млю, отсталость.

поздрав завода «Коммунар» XVI парт'езе; испытание мощного гидравлического пресса в вузучеи-прессовом отделе Сельмашстрой. «Красный Выборец»; деревообделочный цех Сельмашстрой.

Могущественная техника капитализма создала инжеев — она освободила человека от несовершенных темпов работы, но она же перабылила его, превратив в машинного раба, в автомат, в жалкий комок мускулов, не знающий духовной жизни. Коммунист-строитель, выравнивший у американ- ской техники последние ее достижения, заставил машину же аппараты, чтобы приборы отаить: как сохранить, сберечь, развивать самое дорогое для нас — человека у ленты. То, что не в состоянии и не заинтересован пре- одолев капитализм — вредное влияние поточной работы на человека — сделаем мы, строители социалистического общества. Во весь рост встает проблема научной разработки этого вопроса, создания специальных асле- довательских институтов, психотехнических кабинетов. На помощь науке должна прийти сама масса, партия, комсомол. Уж теперь на Сталинград- ском тракторном ставится и обсуждается эти волнующие вопросы. В их обсуждении, их разработке на основе живого опыта поточной работы на предприятиях должны принять участие широкие круги рабочей молодежи страны.

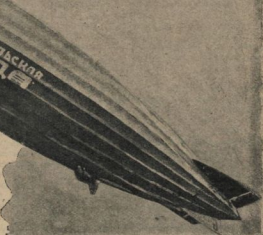
поздрав завода «Коммунар» XVI парт'езе; испытание мощного гидравлического пресса в вузучеи-прессовом отделе Сельмашстрой. «Красный Выборец»; деревообделочный цех Сельмашстрой.

ОПЛА

Студентами Московского высшего аэро-механического училища построены на средства, собранные читателями «Комсомольской Правды», первый дирижабль, являющийся по плану строителю дирижабля в СССР.

Молодежь, одерживающая успехи на различных участках хозяйственного строительства, и в таком новом, ответственном и сложном деле, как дирижаблестроение, одержала полную победу. Дирижабль «Комсомольская Правда» построен, несмотря на ряд препятствий и трудностей, и готов к первому рейсу. О том, как был построен этот первый комсомольский воздушный корабль, об успехах и достижениях дирижаблестроения за границы и его перспективах в СССР рассказывает в своем очерке один из организаторов постройки дирижабля член Всесоюзного воздухоплавательного комитета тов. В. Иванов.

535 убитых и 1388 раненых.

Таков урон, понесенный англичанами во время империалистической войны от налетов на Англию германских дирижаблей.

Небольшой урон! Что значит для войны, поглотившей миллионы жизней, 535 убитых? Сущие пустяки.

И сами немцы к концу войны и после нее считали, что дирижабль не оправдал себя в этих операциях. Но... смелых гул канонады на западном фронте. От войны на Западе остались финансовая и промышленная депрессия, безработица, бремя налогов, миллионы искалеченных полулюдей на улицах Берлина, Парижа, Лондона и обширная литература, посвященная неслаженной в мировой истории войне.

На ряду с другой литературой о войне в Лондоне недавно вышла интересная книга известного английского военного специалиста Морриса, придерживающегося иной точки зрения на военное применение дирижабля.

Моррис писал: «Дирижабли являлись для Англии самой тяжелой опасностью».

Знаменательное признание! Действительно, дирижабли с бомбами, часто среди них появлявшиеся над Лондоном, были для жителей британской столицы источником ужаса и производили страшное деморализующее влияние на население Англии. В качестве предрешительных мер от налетов целенаправленно выжигались блины, расположенные вокруг Лондона и во всем побережье огромное количество зенитных батарей и 12 самолетных эскадрилий, единственная задача которых заключалась в борьбе с дирижаблями.

Независимо от этого, все Англия каждую бездумную ночь в ожидании очередного налета германских дирижаблей погружалась во мрак, совершенно прекращалась железнодорожное сообщение, останавливалась работа военные фабрики и заводы.

Сами англичане сознают, что в результате налета целенаправленно производимые военные материалы сократились на 17%. Эффект, которого не ожидали и сами немцы.

Теперь летю себе предвещать, какие опустошения, какое громадное деморализующее влияние может оказать дирижабль-гигант, груженный бомбами, с многочисленными пулеметами, с пушками и шестью самолетами на борту. А именно так же дирижабль строит сейчас Америка.

Значение дирижабля, как средства связи в мирной обстановке, еще более велико. Дирижабль — это громадный организующий просторства без остановки, несущий на борту аэриальный груз и сотни пассажиров, что не под силу самолету.

Новые английские дирижабли могут облететь земной шар без остановок. Фантазия Жюль-Верна превзойдена действительностью. Уже современные дирижабли могут поднимать полезного груза до 100 тонн.

Для дирижабля не страшны ни шторма, ни туманы, ни ночь, ни остановка мотора. Современный дирижабль становится оружием стратега и мировым средством связи. С какими огромными усилиями пробыл склепать «Литкс» и о Брангеля, чтобы доставить его обитателям продовольствие. Но ведь «Литкс» мог, при более тяжелых условиях, и не достичь о. Брангеля и тогда оторваться от материка горсть смельчаков гига-б неверняка. Дирижаблю же ничего не стоит в любое время, почти при любых метеорологических условиях перебраться нужным грузом куда угодно. Последний крупный перелет немецкого дирижабля «граф Цеппелин», кстати уже успевающего «аналетать» 150 тыс. километров без аварии, блестяще подтвердил, что проблема пассажирского сообщения на дирижаблях на дальние расстояния разрешена. Вес кругосветный перелет совершил дирижабль в 12 летних дней, 18 час., 31 мин., причем на его борту было 60 пассажиров и большое количество груза и почты.

Неудивительно теперь, что страны Запада с лихорадочной поспешностью строят сейчас гигантские мощные дирижабли. Немцы строят дирижабль объемом 150 тыс. куб. метров, англичане совсем недавно построили два дирижабля объемом 140 тыс. куб. метров, каждый.

Американцы спешат обогнать англичан и немцев. Миллионы долларов бросаются ими на дирижаблестроение. Группа миллиардеров во главе с братом Моргана Гербертом сейчас вкладывает колоссальные капиталы в дирижаблестроение. В финансировании дирижаблестроения принимает активное участие Форд, не любящий строить деньги на ветер. Монччи американский дирижаблестроительная компания «Гудрип-Цепелин» строит первый из серии дирижаблей-гигантов, объемом 175 тыс. куб. метров, а группа частных капиталистов приступила к постройке еще более грандиозного дирижабля, объемом свыше 250 тыс. куб. метров.

О размерах этого гиганта можно судить хотя бы по тому, что длина его облоучень свыше километра.

Но этого мало. Дирижабль должен и может быть совершенно безопасным и надежным средством сообщения. Эту задачу успешно разрешают американцы, построившие первые цельнометаллические дирижабли.

Техника дирижаблестроения идет вперед такими гигантскими шагами, что уже в ближайшие годы мы очевидно будем свидетелями необычайного расцвета дирижаблестроения, а множество дирижаблевых пассажирских линий изрежут весь наш материк вдоль и поперек.

КОМСОМОЛЦЫ, РАСКРОЙТЕ СВОИ КОШЕЛКИ!

Если за границей дирижабль, как средство связи, справедливо придают большое значение, то еще большее значение он должен иметь в Советском Союзе, с его громадной территорией, с его быстро растущей промышленностью, в которой связь иркут исключительно важную роль.

Бурный рост советской промышленности, техники, финансовой мощи страны позволяют поставить на очередь вопрос о советском дирижаблестроении. И не только поставить вопрос, но и построить в плановом порядке первый советский дирижабль «Комсомольская Правда», который является первым кирином в фундаменте советского дирижаблестроения.

Задача постановки вопроса о советском дирижаблестроении и постройки первого советского дирижабля целиком принадлежит комсомолу и его органу — «Комсомольской Правде».

Весной 1928 года, в разгар кампании за советское дирижаблестроение, которую вел «Комсомольская Правда», в редакцию пришли три курсанта московской школы воздухоплавания.

Пришли и не дожидаясь традиционного вопроса о цели их посещения, сказали:

— Помогите! Техники полета на аэростате мы овладели. На очереди следующая ступень пилотажного воздухоплавательного искусства — полеты на дирижабле. Но его у нас нет. Есть мотор, обложка, проект, изобретательные приборы, много энергии, но очень мало денег. Вернее, их совсем нет. Нужны 4 тысячи рублей.

В комсомольской редакции курсантам не пришлось долго говорить. В тот же день в типографию попал статья-обращение к читателям о сборе 4 тыс. рублей на постройку дирижабля.

Первыми отозвались кипенный оружейный комсомолец, сотрудник «Черного Клева» и кипенный Озонахвиль.

А затем пошли... Каждый день с почтой приходили новые пакеты переводов — от школьников, фабричан, студентов, рабочих, шахтеров, сельских ячеек, крестьян. Владелец комсомольского билета № 55839 внес 400 рублей, другие

кто сколько мог. Деньги на постройку дирижабля шли отовсюду: с берегов Белого моря, из далекой Сибири, туркестанских степей и даже из Америки.

— Группа советской молодежи Нью-Йорка в числе 8 человек, узнав из вашей газеты, что идет сбор на постройку дирижабля, решила помочь этому делу и собрала среди ребит три доллара, каковую сумму прошу передать на постройку дирижабля, — писала предшественная группа в препроводительном письме.

Через несколько месяцев в распоряжении редакции было около 12 тыс. рублей, собранных среди читателей, т. е. почти в 3 раза больше того, что требовалось по первоначальной грубой смете для постройки дирижабля. Курсагты приступили к постройке дирижабля, не дождавшись окончания сбора средств, т. е. были уверены в его успехе. Днем они работали на производстве, вечерами шили материю оболочка.

Им, однако, не удалось осуществить свою мечту и не по их вине.

Непреодолимым препятствием на пути, помешавшим построить дирижабль, стал московский жилищный кризис. Да, жилищный кризис. Не было помещений для постройки дирижабля, и не удалось его найти, несмотря на содействие редакции.

В момент, когда в редакции «Комсомолец» обсуждался вопрос о том, кому передать постройку дирижабля, раздался звонок по телефону.

— Говорят из аэрофака Высшего технического училища. У вас есть деньги на постройку дирижабля?

— Есть.

— Мы хотим построить этот дирижабль. Для нас это будет производственной практикой.

— Стройте!

Решение Всесоюзного комитета по развитию советского дирижаблестроения главно:

— Передать постройку дирижабля «Комсомольская Правда» студентам аэрофака совместно с бауманским воздухоплавательным кружком и ячейкой Осоавиахима завода «Научук».

Работа закончена.

Это было в декабре минувшего года, а в первых числах июля этого года дирижабль «Комсомольская Правда» уже был построен.

Последние месяцы работы шли ударным порядком.

В инспекцию гражданского воздушного флота и в редакцию «Комсомольской Правды» не раз приходила строители дирижабля с просьбой помочь им в омерзительной атаке на ту или иную тварь бюрокрatismа и волокиты.

Обищи усиленно все узкие места были преодолены, построенный дирижабль был доставлен на свою базу в Кунцево.

Дирижабль построен, находится на базе, казавшее бы:

— Садись и летай!

— Не спешите. Нелегкая задача найти экипаж. Как найти пилота, механика, такелажника-дирижаблестроителя?

Из четырех именитых во всем Советском Союзе пилотов-дирижаблестроителей один оказался безнадежно больным, другой, не имея практики, забыл свое искусство, третий — в продолжительной командировке.

С седьмим трудом — буквально раскопала в Москве в одной из синкографий тов. Опмана, бывшего капитана дирижабля «Клеван-Баяр», совершившего во время мировой войны чрезвычайно ответственный полет на Брест-Литовская в Перемышль.

Тов. Опман согласился быть капитаном «Комсомольской Правды». Нашли борт-механика в одном из универсамов МСПО, развели опытного такелажника-дирижаблестроителя, который прямо от привалка пришел к дирижаблю.

Теперь первый советский комсомольский дирижабль, проглотивший 24 газальдера водорода, стоит на базе в Кунцево, а его

капитан лишь ждет приказа о первом полете.

«Комсомольская Правда» — мягкий дирижабль, его объем 2500 куб. метров, длина 47 метров; диаметр 10 метров, поток 1500 метров, мотор 185 л.с., скорость 80 км, экипаж — 3 человека.

Дирижабль будет использоваться для обучения пилотов-дирижаблестроителей, механиков, аэронавигаторов, для агитационных и ознакомительных полетов.

Намечается большой полет из Москвы в один из крупнейших промышленных рабочих районов.

Но первый полет — над Москвой.

СОВЕТСКИЙ ФРИДРИХСГАФЕН

Постройка дирижабля «Комсомольская Правда» — это почи. Хороший комсомольский почи.

Пословица говорит: «Дыха беда начало». След за читателями «Комсомольской Правды», следуя их примеру, производит сбор на постройку больших дирижаблей Колхозцентр и Москжпросоюза.

Москжпросоюз предполагает собрать свыше 500 тыс. рублей, а на дирижабль «Коххозник» ищет в виду собрать около миллиона рублей.

К концу пятилетки мы будем иметь в эксплуатации свои советские дирижабли и линии воздушных сообщений на дирижаблях.

В осуществлении пятилетнего плана воздухоплавания инспекция гражданского воздушного флота разработала проект сооружения под Переславлем, в 100 километрах от Москвы, грандиозного воздухоплавательного городка, который явится советским Фридрихсгафеном.

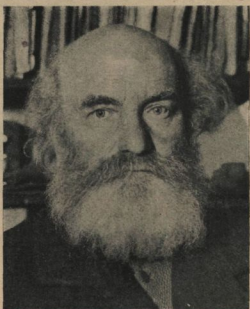
В этом городке предполагается сосредоточить верфи по постройке дирижаблей, соорудить мачты, построить эллинги, газовый завод, мастерские. Ту же намечено переоборудовать ЦАГИ и высшее аэро-механическое училище.

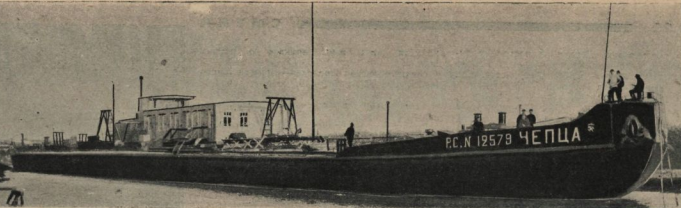
Осуществление этого проекта — вопрос ближайшего времени. Советское дирижаблестроение выходит на широкую дорожку.

НА СНИМКАХ — сверху вниз: инженер Фенин — конструктор дирижабля «Комсомольская Правда».

Рабочие-ударники ЦАГИ и студенты Высшего аэро-механического училища за установкой мотора в gondole дирижабля.

На заводе «Научук». Студенты ВАМУ под руководством мастера обтачивают киль.

ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА

Я. Шведов

В незапамятные времена здесь зарождалась величавые русские бляны. Над синевой Окой белозеро куполо Краучаровской церкви. Если верить былинам, в этом селе сидел сидком, до прихода странников, тридцать лет и три года роскоша богатырь Илья Муромец. В дальних, еще неопустошенных лесах, и похаживая на застывшую грозную силу девятого вала, на семи дубках гнездился Соловей-разбойник.

Каждую весну широко разливается Ока. Ее вода редет свирепые настуления на левый край-родину бляны. В эту гущину, неподвластную еще человеку, приходят предприниматели людей, присланные заведовать колоссальных заводов. Люди ослепшие златом, соединяющиеся через старое речное русло (старину) с Окой, измеряли его глубину, собирали рабочих-сезонников и приступали к постройке судостроительного завода.

Свердловский Михаил Лабков приехал сюда вместе с своим земляком. На его глазах погибали леса и строились поселки. Лес отошел в сторону от завода и только небольшая группа сосен была оставлена на дворе, как верная защита огромных цистерн.

Лес отступил. Поселок разрастался. Появились лесок. Он засыпал окрестности и обвивал мертвые корни поповских сосен и дубов, уже бессильных удержать его. Двадцать два года жизни Лабкова прожито вместе с заводом. За эту четверть века сына выросла и жениться, дочери вышли замуж, обзавелись детьми и отошли от отца.

Двадцать два года проработал Михаил Васильевич на Муромцевском судостроительном, ныне судостроном. Он смело может назвать себя потомственным старожилым завода.

Сегодня у Лабкова выходной. Скудно дома старик. Раньше отдыхал вместе, сразу вместе всем заводом. О приближении днях отдыха говорили, как о празднике. Любители чинили бредни и венгины; готовились к ловле рыбы в озерах завываемых весной водой Оки. Другие еще с утра уходили в горы, или чай и до озера играли в карты, по копейке, только о прожитом.

Сегодня у Лабкова выходной. На заводе, как всегда, горячка трудовых будней. Стучат пневматические зубила. Старик вошел в двери проходной.

Прежде, когда день отдыха был один, когда отдыхали все сразу, сплотившие себя мушкетеры Михаил Васильевич. Утром в поселке-поселке придет в цех, осматривает станок, портрет его, разложив в порядке сверла и ждет гудка. Гудок. Переведет ремешок и закрутосило сверло. В цеху—порядок. Как жила в то время остальные цеха завода, не знал Михаил Васильевич. Завод приняла его к дисциплине, подчинила его законам и уставам, а станок никогда не отлучал от себя, требуя самого внимательного отношения.

Теперь выходные дни у всех разные. Если у тебя сегодня гулевой, то нет тебе нигде пристанища. Если тебе хочется—броди по песчаным ушам поселка. Клуб днем всегда на замке. Рабочих на заводе около трех тысяч, а клуб (Лабков называл его клубинком) только на триста человек. У закрытой еще кассы—очередь за билетами становится чуть ли не с обеда. Некуда идти человеку в выходной день. Одна дорога—на завод, а мастерские.

В прошлом году Михаил Васильевич ездил с экскурсией в Москву. Пришло (это входило в план экскурсии) зайти на московские заводы.

Разве там рабочие так живут? Кажется старик, что у завода, из которого он проработал двадцать два года, нет будущего. Сомнения замучили его. Побывав на московских заводах, он твердо убедился, что его завод не имеет будущего.

«Как мы здесь живем?»—спросил он себя и вместо ответа подумал: «А хорошо было бы, если бы кто-нибудь нашкал про наш судостроительный завод. Да такую, чтобы все стали ее читать, чтобы весь мир узнал о жизни забытого завода, затерявшегося около станции Назовино, Казанской дороги!»

«Лучше работники бегут отсюда. На работу смотрит, как на каторжницу. Техническая сила завода потихоньку льется в своих квартирах или развращает. И у завода нет будущего. Реконструкция прогорит слабо. А кто поверит этому? Все думаю, что если в городе бунтует, знают, то она должна везде бунтовать. Скажешь кому из приезжих о нашем заводе, слушают, они тебя, а у смилх неохотнее. Кажется, пот-пот слышат: «Не брешит, старый чорт. А чего врать? Правда—она всегда остается правдой».

Лабков вошел в цех. За тугими занавесками слышал шум заринки: там шла электросварка. Он поглядывал за брезент за человек. Блестящая молния, покоренная человеком, дрожала на сварном шовце. Он поглядывал на молнию. Острые ружьиные шарпы попали перед глазами. Отверзлись в сторону и долго глядел в темный угол. Перед глазами все еще вертикаль шарпы. Если от молнии догнать до угла, пугая тенью. Лабков бесполобавля поглядывал в сторону сварщика. Она была окружена искрами, как пчеловод печалом. Искры взлетали высоко к балкам и, обесшумившись, падали на бетонный пол. Слова вкочкулись сомнения.

«Ну, как мы еще здесь работаем? Чуть если искрой зайдет горячее—готово. Угольков от завода не соберешь. А если угольков—сгорит даже поселок и пожарная команда вместе с каланчей. Вот меня зовут хозовником и даже посмеиваются надо мной. А почему? Я о заводе думаю, а они нет. Им легче со мной работать, чем мне с ним. Делать всего коренного рабочего людей не больше пятисот. А остальные—одной ногой на заводе, а другой—в городе».

Чуть у нас какие неполадки, и они скорей бегут в деревню, под теплую жизнь бочек».

Михаил Васильевич пришел к заводу. На берегах закладывали новую баржу. Раньше завод исключительно работал на баржах, а теперь делает мосты и керосиновые цистерны для полевых тракторных станций.

Лабков долго стоял у строящейся баржи. Чернорабочие подносили листовое железо. От листов на траву падали сотни одинаковых круглых ячеек, заполненных соломой. Сборщики принимали от рабочих листы, скрепляли их временно (до клепок) цепями.

Сотни людей различных профессий работали на баржах. Строит их от половины до половины. Весной, когда разгуляется Ока, залетит дуга, вода затона ласково стучит в палубной волне, а веселые борты барж, пахнувшие свежей жаркой. Волна отскакивает снимает баржи с лесок, как затылок старого ребенка, не нарушая его детского сна. Баржи—гордость завода—исплаывают на середине затона. Баржи известностью в двенадцать тысяч тонн (тип «Белазета») и четырьмядесятью (тип «Ярослав») подпочас выводят буксир на речной весенний простор.

На затоне—спешка окончательной отделки последних барж. Надо их славить заказчику. Плотники делают каюты, жинье для команды и их семей, из цехов рабочие несут столы, стулья и кровати для барж, сделанные в мастерских судостроительного завода. Мастера старательно выводят навыворот. Приемщик составляет после длительного осмотра акт о приеме, и буксир ведет готовую баржу к другим баржам на Оку; буксир, надрываясь, тинут их по Волге к Астрахани. Там надвод до города локса зеленатый керосин.

Так рождается, так растет и так покидает баржа гостеприимный затон судостроительного. Но в этом году баржи не покинули затона, вода не слала их. Кажется, в первый раз подвела судостроительная Ока. Река и ее приток не доставил воды—зима этого года была слишком малоснежной.

Весеннее половодье ударило по промфинансу. План выслышен и не выполнен. Производство заказчики не получили. Весеннее половодье—спешка промфинанса и даже угрожал промфинансу будущего года, по которому завод обязан сделать четырнадцать баржей различных типов. Нужно ликвидировать промфинанса, нужно и должно доказать, что человек не подчинится стихии, что и ее можно обуздать и подчинить.

Вызвали артель замкочков и чернорабочих. Они тратили зелье под определенным углом, положили бревна, смазали их смазочными маслами и приготовились к стаскиванию баржей. Установили лебедки. Шесть баржей были стасканы в воду, стаски баржей обособили на берегу затона место для закладки новых.

На берегу озера ходил знакомый Лабоков инженер, привалявший сюда каждый год на приеме баржей. Инженер увидел Лабокова, подошел к нему и, хлопнув его по плечу, сказал весело:

— Ну вот видишь, хозяин, как дело идет? А ты баржа, хозяин. Без воды свинца чисть баржей. Завтра ужо вы от вас уда, а потом увезем и остальные.

Лабоков посмотрел на него. Он был загорелым баржанином. Баржа милае уцелела кают. Мачты были гордо подняты вверх. Он улыбнулся и сказал:

— Я так и думаю, что нашему заводу ничего на Оку надеяться. Ничье нас она подвезет и на будущий год этого не может подвести. Если ужо выгнать зтом, мы свободном можем спускаться в любое время, только спуск будет стоить малость по дорожке.

— Правильно, Лабоков, правильно. Такое предложение вполне приемлемо. А ты знаешь, — оживленно сказал инженер, — скоро наш завод будет построен. Один баржи будет строить.

— А как же с нашим заводом?

— Работы всем хватит. Но, насколько я знаю, баржестроение перенедт гуди. Это так и должно быть. Разделение труда. Зальс мосты, а там баржи.

— До свидания, — угромо сказал Лабоков и отошел от инженера.

Свернул на тропинку. Тропинка увела его к озеру. Не доходя до озера, он остановился и долго глядел в сторону завода. Сверкали на солнце стекла чехов, отливавшие синевой окской глубины. Над крышами чехов качались перьями одиноких осеней.

«Я правду говорю, что у завода нет будущего», — отбурет от нас баржестроение. Редко слышал такие слова баржи? — и посмотрел на зтом.— Правда, мы кустарничаем, но делаем хорошо. «Ярловские» совместно в четыре тысячи тонн. «Елизаветы» двенадцать тысяч тонн. «Серебряны», в корабль! Двенадцать тысяч тонн! Все збуются на наши баржи, когда они плывут вниз. А о завод, на котором их сделали, никто даже не знает».

Над водой зтона скрытой берегами, поднималось бледное неровное синие. Над выпрямившимися мачтами трепетали флажки.

«Сейчас у баржей и под баржанин на берегу, в холодае, сидят рабочие и толкуют про свою жизнь. Нет у нас на заводе порядка. Собирают баржу — болты нужны. Началась скелетка, и болты летят куда пошло. Совсем забывают, что болты еще могут в работу пойти».

На берегу озера, в чаще ныряка, сидели знакомые Лабокова по заводу. Они споконно стояли верши, ветками и терциями. Михаилу Васильевичу захотелось крикнуть, чтобы они скорее бросили свои снасти, побежали на завод учиться беречь свое добро, но не крикнул. Махнул рукой, улыбнулся и зло подумал:

«На смех подымут. У них есть в деревне дымок в три окна, землянка, коровенка. Чего им еще надо?».

Лабоков почему-то вспомнил о людях, не научившихся бодро глядеть вперед и задумываться над своим будущим.

«Им хорошо», — ответил мысленно Михаил Васильевич, — они живут сегодняшним днем, они споконно спят по ночам. А разве так можно жить? Разве так надо жить — не думать о будущем?».

Нет, нельзя. Отчего бегут люди с нашего завода? Нет у завода будущего. Но я не оубегу на этих мстях!».

Милый Михаил Васильевич Лабоков, мой неизменный спутник! Мы вместе с тобой всегда ходили по судомостовому заводу. Ты проводил все свои дни отдыха около баржей, не снятых весенней водой в зтом году.

Ты помнил, с какими усилиями пришлось стаскивать баржи с их насаживенных мест. Иногда казалось, что нехватит силы, глаза от усилий вылезут на лбу, аюит жила, и черная кровь брызжет на руки,

заросшие черным волосом. В первый раз было спущено только шесть баржей, осталось на суше еще шесть. Можно снять еще четыре, а двум придется ждать весенней воды.

Прорыв, нанесенный судомостовому заводу весной, частично ликвидирован. Но победное может повториться. Человеку нельзя доверять стихии и нельзя зависеть на нее.

Ты вода мочил из чехов в чех, мы вместе спускались в утробы баржей. Ты лавиство стучал по горячим от солнца стенкам баржи и говорил:

— Наша гордость. Завод такой невзрачный, а баржи такие голубые!».

Товарищ Лабоков! Ты, конечно, не узнаешь себя в зтом очерке! Это ты жаловался и говорил, что у завода нет будущего. Ты те прав! У завода есть будущее».

Ты в зто время работал за своим станком, а я один ходил по заводу. Я зашел в чех, где делают заклепку, и там я увидел такие заключенные прессы, которые давно нужно бросить на переплавку и мартен. Разогреванная печь плохо греет железо, заготовленное для заклепок. Прессовщик, следив двадцать-двадцать пять заклепок, выходящи отапливать на удину и ждали, пока печь нагреет железо. Загрязненные станки, штамповочные аппараты ходящими способами, не работати.

Но ты во многом прав, старик. Когда я вошел на судомостовой завод, мне показало, что я попал на производство времени двадцатого-двадцать первого года. Люди ходили из чеха в чех и за полчаса до гудка они бросали работу и глядели на часы. Им уже не работало. Деревенское хозяйство звало их к себе.

У завода нет пролетариата. Даже твои сыновья незлобно взяли расчет и ушли искать счастья».

Ты вечерами сидишь дома над чертежами и записями о своем заводе. Соседи смеются над тобой. Горевать нечего, старина. Твой завод вытиснит на воду полжизни просторов не один десяток баржей типа «Ярловские» и «Елизаветы». Они вытиснят деревянные керосиновые баржи, оставляю-

щие на воде жирный след во всю ширину реки.

Ты говоришь о будущем завода, но ты равнодушно прошел мимо кабинки электроварочного чеха. Ты прошел мимо будущего нашего завода, не заметив его.

Ты говорил:

— Отбурет от завода баржестроение, и завод погибнет.

Неправда!

Сейчас твой завод ставится баржанин, но он имеет право быть прославлен и постройкой мостов. Не даром он зовется судомостовым.

Дорожное строительство развертывается. Тыщи километров благоустроенных шоссе и десятки тысяч новых рельсовых путей. Реки, ручьи и речонки обрывают дороги. Нужны большие мосты. Пропавши и уцелевшие горные рек мешают путям. Нужны вышки. И то и другое дает дорожное строительство ваш завод.

Тебе кажется, что ты один.

Опыт ошибаешься. Ты в следующий день отдыха зашли на закладку новой баржи, и ты увидишь, как работает комсомольская бригада. А непорядок, ва которые ты жаловался, много. Даже слишком много. Они сприветствуют на заводе и мешают правильно работать. Ты говоришь:

— Крестьяне за полчаса до окончания работы уже толпают у проходной, требуя, чтобы сторож выпустил их.

А ты не знаешь, какое письмо написал в деревню брат сезонник Степан Кузнецов? Ты, конечно, не читал его! Мы о нем с тобой поговорим позже. А ты знаешь, что комсомольская бригада уходит с работы только после гудка?».

Через четыре дня у тебя будет снова день отдыха. Клуб не работает днем и ты снова пойдешь на завод. Я советую тебе зайти снова в электроварочный чех и разискать инструктора, обучающего шустрых ребят из школы электростаров. Ты поговори с ним.

Обязательно поговори. Ты увидишь будущее своего завода, за который ты беспокоился и страдаешь».

Ст. Пашинин.

ШЕФЫ ПРИЕХАЛИ...

Фото Полякова

„Чуров” — Баталов.

Проблема перовоситания масс, проблема выработки нового социалистического человека—актуальная проблема реконструктивного периода. Особенно остро стоит она в отношении нашей молодежи. Для разрешения этой проблемы необходимо мобилизовать все средства, имеющиеся в нашем распоряжении.

Среди них видное место занимает искусство. Отсюда повышенное требование к пролетарскому писателю и пролетарскому театру: чтобы своевременно становилась актуальными проблемы социалистического строительства, подавая их в такой художественной форме, чтобы она действительно способствовала коммунистическому воспитанию зрителя.

«Пробав»—письма молодых пролетарских писателей Марка Колосова и В. Герасимовой, вошедшая в репертуар также весьма молодого Московского государственного театра-студии, работающей под руководством режиссера Ю. А. Завальского—приближается к выполнению намеченных задач требований. Особенность «Пробав» не в том, что она ставит одну из актуальных проблем реконструктивного периода—проблему большевистских темпов на производстве, а в том, что она ставит эту проблему в плане переделки производственного, в плане осмысливания рабочей молодежью своего участия в социалистическом производстве. В «Пробав» на острие борьбы за большевистские темпы пробуждается крепость, стойкость, подготовленность нашей молодежи, и тем самым вскрывается ее классовая сущность. Грохкая фраза комсомолки Зорьки: «Когда эта девочка призывает к порядку шестилетних старух, мне хочется аллопировать», сто процентное рабочее происхождение Бузи, дающее ему право выступать от имени старого болельщика Ольшешника, всего рабочего класса, при первой же пробе оказываются факцией. Правда, провал Зорьки и провал Бузи—

„ПРОБА“ ВЫДЕРЖИВАЕТ ПРОБУ

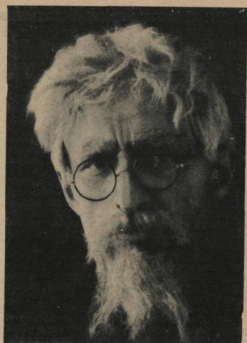
М. Гребенников

факты, обусловленные разными причинами. В первом случае: неспособность окончательно освободиться от своего прошлого (Зорька), во втором—нежелание противопоставить антипролетарским интересам свои пролетарские. В первом случае—вняное приспособление, во втором—неумение сохранить свое собственное лицо от влияния чуждых классов. Настроение Бузи целиком и полностью вытекает из его пренебрежительного отношения к подлитою своего идейно-политического уровня. Эти два совершенно разными причинами обусловленные факта оказываются по существу аналогичными, способными выполнить одну функцию. Они вовсе не исключают, а дополняют друг друга, образуя в результате единый поток, поток, противопоставляющий себя социалистическому строительству, поток, способный организовать вокруг себя все, что органически не связано с революцией. Вокруг них объединяются: Женья—правда, дочь старого большевика, подпольного работника, но пока только «собственный» кандидат комсомола, Виктор—комсомолец-переросток, не терпящий приспособленчества, но неспособный органически переделывать свою мелкобуржуазную природу и т. д.

Главная особенность данной пьесы молодежи «вращающейся» в производстве и около него и заключающаяся в комсомоле, в том, что они не видят перспектив пролетарской революции. Поэтому все они с полным правом могут повторить слова Жени: «Боже мой, мы живем в какую-то туманную эпоху». Поэтому Бузе кажется, что «под прикрытием грохких фраз и музыкалки повывают вору и свиняют заработка». Потому же для Виктора кажется совершенно невозможным быть в партии.

Естественно, что вся эта пьеса при первой пробе, при первой проверке оказалась совершенно чуждой.

Но организация проверки, или проба, как ее назвала секретарь комсомольской ячейки Чуров, проверка не только людей, которые уверили других, что они заодно произошли, порвали с ними (Зорька), но одно-

„Ольшешки” — Мордавова.

временно и проверка, или проба, другой группы молодежи, работающей на этом же производстве, состоящей в одной комсомольской ячейке. Эта группа молодежи, руководимая Чуровым (Нюра, Настя, Кузнецов и др.), организованная в ударную бригаду, преодолевающая целый ряд действительных трудностей и противоречий, сумела выдержать пробу, сумела противопоставить индциплатинированности, разглагольству «живущим в туманную эпоху» дисциплинированности, организованности и готовность в нужный момент отойти себя не на слова, а на деле революции.

Главное: Колосов и Герасимова сумели противопоставить эти «два лагеря», стоякнуть, подчеркнуть их особенности не абстрактно, а вполне конкретно, как две системы художественных образов. Зорька, Бузи, Виктор, Чуров, Нюрка, Настя и другие в отдалении вполне конкретные художественные образы, носители конкретных характеров. Но главное, что необходимо отметить при этом, подчеркнуть, как достигли авторы характеры раскрыты в плане показа их классово-сущности.

Поэтому «Пробав» стоит в стороне от схематизма и теории игры для игры. «Пробав» подчеркивает социальную сущность человека, рассматривает его не абстрактно, а в окружении реальной действительности, в процессе общения с которым проявляется наиболее ярко его классовая сущность. Авторы сумели показать комсомолу со всеми донесущими ему, как организации, особенностями, сумели диалектически поставить и разрешить поставленную задачу.

Необходимо отметить, что художественный метод Московского государственного театра-студии, работающей под руководством Ю. А. Завальского, в данном смысле является наиболее ярким раскрытием классовую сущность образов.

„Нюра” — Зеленова.

„Бузька” — Фавейский.

„Ентот Шатохак” — Маведоский.

ОБЛОМОВЩИНА, ПРЯМАЯ К СТЕНКЕ

М. Беккер

Комсомольская Правда сгруппировала вокруг себя крепкий отряд молодых очеркистов. Имена Строгова, Чагана, Смоленского, Киша хорошо известны комсомольскому читателю. При всем различии дарований они имеют много общего в своей манере.

Устремленность в противоречия быта, отсутствие фетишизма фактов, идеяная насыщенность и молодая жизнеспособность — эти черты проявляются с большей или меньшей степенью талантливости в творчестве названной мною группы очеркистов. С этими чертами мы встретимся и в очерках Чагана, вышедших недавно отдельной книжкой¹.

Заглавие, которое красуется на обложке, вполне соответствует содержанию книги. Да, именно сегодняшний день, взятый не статистически, а диалектически, под углом зрения высшего закона, является главным героем очерков Чагана. Сегодня, неспиррашенное сегодня с его противоречиями, достижениями и трудностями, фигурирует в его очерках.

Покажу, недостатки, трудности, противоречия занимают Чагана в гораздо большей степени, чем достижения. Говорит ли он о провинциальной свистке, затягивающей все дело, об оппортунизме комсомольской ячейки и безобразно-хамском отношении к человеку, — везде скажутся обличительная, «самокритическая» интонация. Отнюдь не случайно, что в книге Чагана заметно влияние Шедрина — особенно в той ее части, в которой рисуется современное положение.

Однако метод Шедрина, взятый в аспекте прагматического творчества, дает качественно иной результат.

Трагедия Шедрина состояла в том, что он не видел выхода из того тупика, в который его толкнула «репрессия» действительности. Это придавало его сатирическим обличениям трагический оттенок, характер горького раздумья о несовершенствах русского быта.

Пролетарский сатирик отчетливо видит искривления и противоречия быта, но ему ведомы «пути и выходы». Вот почему в очерках Чагана нет и следов трагизма, гамлетовщины и меланхолии, но в них нет и намека на дешевой, телочий оптимизм, казенный ура-патриотизм.

Тематика Чагана весьма актуальна. Достаточно указать на то, что ему принадлежат заслуга развенчания кулака Саарка, лядорота которого умывал комсомольскую ячейку. Но ни в этот очерк, рисующий классового врага, приспособившегося и выходящего из рабочих, не характерна для Чагана. Основное в его творчестве — это борьба с обломовщиной, сонной провинциальной одурью, косностью и «застывающим».

На необходимость борьбы с обломовщиной указал еще Ленин. Сейчас, когда страна налегает все мыслию для строительства социализма, обломовщина особенно вредна. Ее нужно искоренять всемерно, везде. Только вот вопрос: как? Конечно же, не методом Гончарова, методом, который органичен для дворницкого писателя, выходя из дворницкой среды. Ведь в сущности говоря, Обломов выглядит очень добродетельным существом. Перед нами микротелый барин, лгавый интел и очаровательный эстетик, боящийся насморка и неприятных неожиданностей, вроде перемыва квартиры.

Огромной стихией таланта Гончаров заставляет читателя следовать вольному произволу за судьбой Илюшину — владыка Захара и «еще трехсот Захаров». Штольц,

энергичный и деятельный Штольц, не может конкурировать с Обломовым по линии моральных качеств.

Описывать обломовщину в тонах добродушия, юмора нам не пристало. Надо проследить ее вредную, по-своему активную природу. Надо видеть ее классово-вредные корни. Разоблачать обломовщину можно не методом пассивного, «эпически-мудрого» описательства, а действительным методом сатиры, иронии и сарказма.

Чаган и становится на почву активного разоблачения обломовщины. Он акцентирует социально-вредное содержание. Обломовщина — это поозорное отставание от темпов строительства, противление лозунгам культурной революции, производящее неадекватности и впасть там, где требуются спорочка «быстрота и натиск». И нам повсюду гражданское негодование Чагана, которое особенно ярко выступает в очерках, рисующих узелное закрушество.

Чаган спрашивает: «Каким последствием закончить строчки о чебарьян?» и отвечает: «Вырывать пошехонье! Воспитывать пошых людей, бороться за новых людей и дело! Разве нет комсомола в Чебаряе? Есть комсомол в Чебаряе! И не ему ли в следствие великий житель Чебаря Белинский оставил завет, требование: «Без борьбы нет заслуги, без заслуги нет награды, а без действия нет жизни».

Ведь страшно не пошехонье, а, бездействие!

Оборотная сторона обломовщины — движение, динамика, борьба. Ненавидящий покой славит движение. И для нас нет ничего неуживаемого в том, что над нимлом очерки об строительстве красуются заголовком: «Иваненки».

«Бой на Днепре» — это рапорт о входе работы, движения, усилий, подвигот революции на спокойной гряде Днепра. Отныне обломовские приходы конец. Находясь между молотом ударицества и икозальной соревнования, ее дрыбное тело будет безжалостно развалено...

Пинет Чаган живо, увлекательно. Он умеет «выбегать» то или иное положение соответствующим литературным приемом, причем в литературных приемах Чагана сказались в значительной мере присущий ему полонитаризм. Например, очерк «Без дремоты» начинается так:

«Лениный покой Черноголового пруда, густой зеленый цвет реки-Казаньки, шестиступень в густом, соновом боде, звуки ластивей дуды и сотрясение корпуса фабрика».

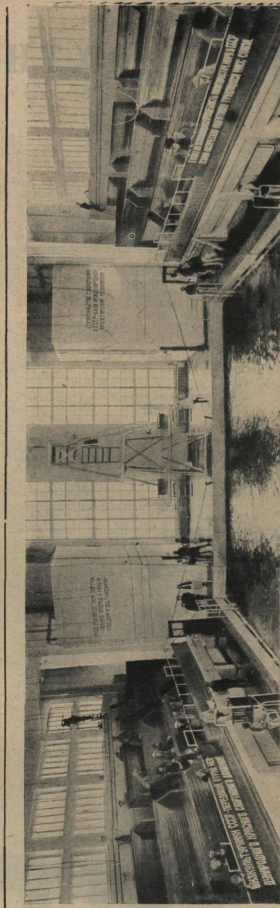
Какой-нибудь левовский критик, не терпящий беллетристических кружев и шапшопки, запротестовала бы.

Что за «романтическое» начало?

Однако описание, которое мы только что привели, не имеет ничего общего с бессельным, беллетристическим украшательством. Оно подчинено основной цели очерка — показать дремотное состояние Глуховки, бездельность, шарящую в ней, духовную покачку. Это становится особенно очевидным, когда читаешь заключительные строчки очерка.

«В Черноголовом пруде топить бы неумелость, неустроенность, неслаженность мелочей быта, а то, покажу, мелочи сильно задерживают шапшу. Дремотность труда — вальдым «верх». Таким образом, зливание природы не является данью беллетристической традиции: оно выполняет действительную функцию, подчеркивая как бы активистическую неустроенность очерков Чагана.

Есть ли недостатки у Чагана? Есть. Чаган касается часто поверхности явления, не

Биты с бассейном для плавания, открытые в Пролетарском районе Москвы.

¹ «Сегодня», №1490. «Молодая Гвардия».

В ШАХТНОЙ МГЛЕ

Ал. Булгаков и Ив. Мартынов

Грязно, серо, скучно.
Над шахтой, над поселком спускается ночь.

Серые неуклюжие балаганы скрываются во тьме. Ближнется рудничий день к ночи. В непроглядной тьме, рассылавшись по жилам шпекров провольных, напиргая мускулы, давясь и отплевываясь черной угольной слюной, удар за ударом всаживая в угольный плакат-рабочий средик шпхтерской миссы пятьдесят комсомольцев.

Восемь часов напряженнейшей работы вымывают силу. Пыльно покачиваясь, выходит она горла.

Не выспавшись, не отдохнув, многие из этих пятидесяти завтра пойдут в казармы проводить беседы, будут с утра на производственной совещании, будут неустанно звать за собой других.

...В клубе грязно, накурено, стены запылены, плакаты запылены. В грязной комнате замаяанные, неряшливо одетые подростки режутся в лампоч. Стучат кости. По коридору слышатся парочки.

Грязно, серо, скучно. Что делать?

Хочется кричать, дико выть от скуки, от грязи. Где отдохнуть?

ВЕРМЕХУА

Лена ждала ребят. Вымыты полы в комнате, поставлен на комод новый букет бижутерных Лискав. Надвигаются чистые подушки, одеяло на кровати. Яркое светит электрическая лампочка.

На столе, накрытом скатертью, стояла закуска с бутылкой вина.

Приходили ребята чисто вымытые, в чистеньких сорочках, кто-то даже подвязал галстук. Принес Сеня, Володя, Ваня—конната охота.

Бренчала гитара, кто-то тихо подпевал, кто-то еще присосланился и негромко похлопало.

Бери от жизни асе, что можешь,
Бери хоть каплю—асе равно.

Весь жизнь на жизнь ты не помочишь,
А дважды жить нам не дано.

На сердце было тихо и радостно—своей семье, крепкой группе. Только Сеня сидит отдельно с беспризорной Катей-конт-рицей. Своя братья—комсомольцы, активисты.

Сели за стол, пили чай, перд чем было вино—с кровяной отблеском в небольших стопочках.

Пели в одиночку, коллективно, танцевали. Играли в карты. Целовались, кому повезет—крепко целовались.

Шведов, муть охмелел, баяста искрами глаз, говорил громко, бросая раскрасневшимися голубоватыми слезы в товарищес:

— Нам нужно где-то отдохнуть. Собраться, чтобы не умереть от скуки, культуру отдохнуть. В клубе, сколько не чисти, не мой—не отмошь. Лето не в клубе. Нужно смыть грязь аеквочную—неграмотность, темноту нашу и это без чиста. В ачкее всегда об одном уголь. Наша шахта карбается вверх. Механизмуется, а на машине воевонькой с синими стальными отблеском работет машинист, который бьет жбан, пьет запоем. Да и куда поидет оть Кругом пусто, скука... А мы... пьем вино. Рабочий класс и...

Варья хохота оборвал Ванину мысль. Смеялись ребята чид танцующим парельком, что наступил деичине на ноги.

— Хо-хо, ох-ха,—гремела комната. И опять песня несаясь:

Мой милой меня любил,

В саду розу подарил,

Ромешка завидя—

Ох, любовь пропала.

Дружно подхватывали голоса:

Тра-ля-ля-ля

Тра-ля-ля-ля

Было по семейному уютно.

За окнами была темная ночь с утопающими в ней неуклюжими балаганами, с таким же неуклюжим клубом.

МЫ БУДЕМ СУДИТЬ ЖЕСТОКО

— Ровно через пять дней судили. На экстренное бюро ячейки пришла почти вся комсомольская братва. Раздвинулось дело о нечестнике. Первым говорил горло и слаболицно секретарь.

— Да, мы судим. Будем судить. Не тула пошудим, товарищи. Мы, аичка, будем судить вас за дерзирство. Кто сказал, что делать нечего?

— Не отдельных семейств мы устраиваем судию, а всего рабочего коллектива. И разве скучно это? Проманять эту работу на нечестнику?

В человек выступило пале судили. Ни одного слова одобрения тем, кому ехсудили. Десятый оратор, ударник Вася Лупенко, переманился с ног на ногу, решительно сказал:

— Судим. Будем судить. Не тула пошудим, товарищи. Мы, аичка, будем судить вас за дерзирство. Кто сказал, что делать нечего?

— Не отдельных семейств мы устраиваем судию, а всего рабочего коллектива. И разве скучно это? Проманять эту работу на нечестнику?

В человек выступило пале судили. Ни одного слова одобрения тем, кому ехсудили. Десятый оратор, ударник Вася Лупенко, переманился с ног на ногу, решительно сказал:

— Судим. Будем судить. Не тула пошудим, товарищи. Мы, аичка, будем судить вас за дерзирство. Кто сказал, что делать нечего?

— Не отдельных семейств мы устраиваем судию, а всего рабочего коллектива. И разве скучно это? Проманять эту работу на нечестнику?

— Судим. Будем судить. Не тула пошудим, товарищи. Мы, аичка, будем судить вас за дерзирство. Кто сказал, что делать нечего?

— Не отдельных семейств мы устраиваем судию, а всего рабочего коллектива. И разве скучно это? Проманять эту работу на нечестнику?

— Судим. Будем судить. Не тула пошудим, товарищи. Мы, аичка, будем судить вас за дерзирство. Кто сказал, что делать нечего?

— Не отдельных семейств мы устраиваем судию, а всего рабочего коллектива. И разве скучно это? Проманять эту работу на нечестнику?

— Судим. Будем судить. Не тула пошудим, товарищи. Мы, аичка, будем судить вас за дерзирство. Кто сказал, что делать нечего?

— Не отдельных семейств мы устраиваем судию, а всего рабочего коллектива. И разве скучно это? Проманять эту работу на нечестнику?

— Судим. Будем судить. Не тула пошудим, товарищи. Мы, аичка, будем судить вас за дерзирство. Кто сказал, что делать нечего?

— Не отдельных семейств мы устраиваем судию, а всего рабочего коллектива. И разве скучно это? Проманять эту работу на нечестнику?

— Судим. Будем судить. Не тула пошудим, товарищи. Мы, аичка, будем судить вас за дерзирство. Кто сказал, что делать нечего?

Комосолник Боршина за ремонтом стругальной станка (3-д «Красный Профлетер»).

— Оно ясно—прежде всего уголь, да и быт и культуру—не забывать. Только не т-и дороги, товарищи, ты поиди...

— Лиза Лескина, комсомолка с 28 года, на многочисленные вопросы отвечала, хотя запинаясь, но прямо.

— Почему? Все кричите—почему? А вам задидно. Вас не повалил. На частной квартире уютно, негрочно, не плохое. В клубе неуютно, раздаться нельзя, как в синичушке.

— Фабрикант Сеня, комсомолен с 27 года, кандидат партии, председатель рудничий редколлегия, заальчиво заявил:

— Да, я агитиств. Я руднику, мне поручили работу, а дома никто не имеет права вмешиваться в мою личную жизнь...

— Резолюция гомора о том, что в то время как рабочий класс окладает силы на хозяйственном фронте,—эти шесть человек комсомольцев отгорались от класса, раздвояжился.

Ниже фамилии Лескиной Лизы было написано:

— Самые настоящие менапские мысли, не только менапские, но не рабочие—битися, что рабочий класс грязивый. И никак о нем: «Исключить из комсомола Лескину, послать работать на откатку». Звону Владимиру, члену комсомола с 28 года, дать выговор, снять с кооперативной работы, послать на производств.

— Гремучка Иванна—зав. библиотекой—снять с занимаемой работы, послать под забой.

— Егорову объявить строгий выговор. Фабриканта С. исключить из комсомола.

— В маленькой комнатике, накуреной и душной, было тихо. Слова тыщесые, как камки. Строгий выговор. Исключить. Выговор. В козлате было тихо, все напряженно слушали.

— С заседания выключили возбужденные, неселе, точно съезана с плетг тяжкая ноша.

— Когда Гремучук-библиотекарь задучливо выходил из комнаты, слыи кто-то сильно ткнул крепкой рукой по плечу.

— Ничего, Гремучек. Не упилай. Бывает... А вот тельсер, с нами осеженился, проветрился...

— Стоял вечер. Застыли здания наштахных построек в желтом свете одиноких электрических ламп.

— Красный Зев» на Луганщине.

и Удесс о Николаевском совхозе.

В ТАШКЕНТ—ГОРОД ХЛЕБНЫЙ

Б. Савич

Фото Клемпер и Пенсон

За городом, километрах в четырех, в стороне от пыльного Куйлюковского шоссе, в весьма невзрачных с виду бараках, расположился единственный на всю Среднюю Азию приемник-распределитель для беспризорников.

Сотни здоровых горластых ребят в возрасте от 6 до 16 лет, в недалеком прошлом бесшабашных беспризорных «гольцов», нашла временный приют в приемнике. Временный потому, что приемник—это как бы карантинный пункт, где ребята, взятые прямо с улицы, выдерживаются от трех до шести месяцев, а затем направляются в тот или иной детский дом.

В приемнике вы можете встретить представителей едва ли не всех республик необъятного Советского Союза, слышавшихся всяких былей и небылиц о Ташкенте, городе хлебом, и прикативших сюда на буфере товарного поезда «пожить вольготы».

Сотни ребят различных характеров и нравов, видевших многое за свою недолгую жизнь. Их воспитать, сделать из них полезных членов общества дело не легкое, требующее большого внимания и энергии от воспитателей. А воспитателей в приемнике немного—4—5 человек. Все комсомолцы. Заведующий тоже комсомолец.

В приемнике много различных кружков, прививающих ребятам трудовые навыки и расширяющих их умственный кругозор. И нужно сказать, что ребята довольно быстро отвыкают от «вольготной» жизни, втягиваясь в работу.

У приемника свое небольшое хозяйство, состоящее пока — узнал — только из нескольких свиней с поросятами. На большее нет средств.

Имеется пионерский отряд.

Состав отряда, правда, текуч, но это не мешает ему почти всегда насчитывать 25—40 ребят.

В классе воспитателем пионеры—детибодесе сознательная публика, которая зачастую берет в штыри недисциплинированных ребят и вообще в очень значительной степени облегчает работу воспитателей.

За несколько лет существования приемника в нем побывало сотни четвара с лишним ребят, из которых сейчас очень многие уже служат, учатся в школах, техникумах, вузах и работают на производстве.

Пребывание ребят в приемнике основано на принципе добровольности.

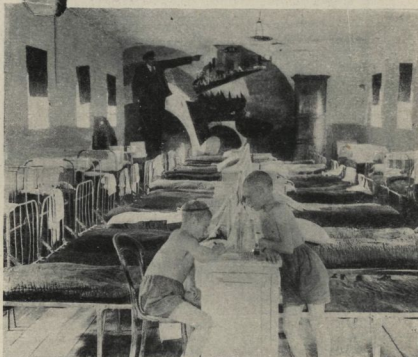
Беспризорники летом буквально изводятся города Средней Азии, главным образом, Ташкент. И, конечно, приемник, рассчитанный на 60, а вмещающий 100 человек, не есть средство к ликвидации беспризорности.

То помещение, в котором приемник сейчас расположен, не удовлетворяет даже самым элементарным требованиям гигиены, не говоря уже о том, что он расположен вблизи исправдома, и о том, что еще недавно в одном из барakov, прилегающих к приемнику, под слабым надзором долгие время жил прок ж е н ы й.

Правительство Узбекской ССР недавно отпустило на строительство нового здания приемника сто тысяч рублей. Но постройка долгое время задерживалась окружными организациями, а сейчас Узгосстроем, подписавшим договор о строительстве здания.

Строительство не начато. Стройматериалы не забронированы.

А время идет быстро, и строительный сезон может остаться позади.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АКЦИОНЕРНОЕ О-ВО
„ГОНЕЦ“

Радиодетали для сборки приемников, усилителей и усилителей.

Переменные длинно- и коротковолновые конденсаторы.

Постоянные высокоемкостные конденсаторы от 10 до 50 тыс. сантиметром (специально для транслационных узлов).

КОМПЛЕКТЫ КРЕСТЬЯНСКИХ ПРИЕМНИКОВ ПД с двухум телефоном и набором антенны—15 р.

Детали для сборки коротковолновых приемников и передатчиков.

Комплекты карманных фонарей: фонарь, батарея и лампочка—2 р. 56 к., никелированный корпус фонаря—комплект 3 р. 20 н.

РАДИОПЕРЕДВИЖКИ В ОДНОМ ЧЕМОДАНЕ, вполне готовые для обслуживания экскурсий и рабочих партий в поле и в лесу.

В чемодане имеется 4-лам. приемник, запас лам., батареи репродуктор, телефон и комплект антенны

Передатчик высылается только по заказам государственных и общественных организаций. Цена передвижки 290 р.

Для ускорения заказа: 1) пишите четко адрес и фамилию; 2) перечислите заказываемый товар на самом денежном переводе, либо приложите письмо к отрезному купону перевода. Уплатки и переписка за счет заказчика.

При заказе обязательны аванс в размере 25% стоимости его для коллективных заказчиков и в размере 50% для индивидуальных заказчиков, оставшееся наложенным платежом.

Заказы адресовать: Москва, Москворецкая, 24/41
„ГОНЕЦ“

ЗАОЧНЫЕ ФОТО-КИНО КУРСЫ
ОДСК

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ СОВЕТСКОЙ КИНЕМАТОГРАФИИ

Принем слушателей в течение всего года непрерывно по отделениям:

ФОТО-ОТДЕЛЕНИЕ	КИНО-МЕХАНИКОВ	КИНО-МЕХАНИКОВ
Срок обуч. 8 мес.	ПЕРЕДВИЖНИКОВ	СТАЦИОНАРНИКОВ
Стоимость 15 руб.	Срок обуч. 6 мес.	Срок обуч. 8 мес.
	Стоимость 15 руб.	Стоимость 18 руб.

Об открытии СПЕЦИАЛЬНОГО отделения будет объявлено особо.

Подробные сведения дамы в проспекте, который высылается по перемому требованию за 10 коп. марку. Все запросы и деньги нужно посылать по адресу: Москва, В9, Страстная бульвар, 2/42. **Отдел заочных курсов.**

ВНИМАНИЮ ВСЕХ ПОДПИСЧИКОВ!

В случае неполучения того или иного номера выписываемого вами журнала или неаккурнтной доставки его, **НЕМЕДЛЕННО** же по получении следующего за неполученным (напр., после первого номера получили третий) или запоздавшего номера обратитесь с жалобой в почтовое отделение, обслуживающее район вашего местожительства.

В случае неудовлетворения вашей жалобы, обратитесь туда, где вы первоначально сдали свою подписку, и т. е. на почту, в отделение изд-ва, Контрагентство печати и т. д. **ЛИШЬ** в том случае, если и ТУТ ваша жалоба не **БУДЕТ** удовлетворена, обратитесь непосредственно в **Периодическое издательство „Молодая Гвардия“**—Москва, Новая площадь, 6.

Обязательно точно укажите номер вашей подписки, где сдали свою подписку, и какие номера и какого журнала не получили.

Изд-во „Молодая Гвардия“

Что читать?
Как юношеская печать участвует в социалистическом соревновании?
Как работать с книгой?
Как пользоваться газетой, журналом, книгой в работе и учебе?
Как использовать прочитанное?
Какие издания хорошие и плохие книги для молодежи?
Что готовят и что пишут для молодежи писатели?
Как комсомол и молодежь участвуют в продвижении печати в массы?
Какими практическими навыками должны обладать молодежные кадры, вовлеченные в работу с юношеской печатью?

НА ВСЕ ЭТИ ВОПРОСЫ ИСЧЕРПЫВАЮЩИЙ ОТВЕТ ДАСТ

НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИНСТРУКТИВНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ МОЛОДЕЖИ

КНИГА МОЛОДЕЖИ

Орган ЦК ВЛКСМ

ВЫХОДИТ С ИЮЛЯ 1930 г.

ЖУРНАЛ „КНИГА МОЛОДЕЖИ“ необходим всюду, где есть грамотная молодежь, необходим в каждой ячейке ВЛКСМ, клубе, библиотеке, школе, красном уголке, вузе, изб.-читальне

Цена отдельного номера 30 к. Продается везде.

НЕМЕДЛЕННО ПОДПИШИТЕСЬ с июля до конца года.

Подписная плата: 6 мес. (6 двойных номеров)—1 р. 45 к.; 3 мес.—75 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 6, Изд-во ЦК и МОК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“, всеми отделениями изд-ва, всеми письмоцентрами и повсюду на почте.

Подписчики, подписавшиеся в течение первого полугодия, получат во втором полугодии 6 двойных номеров за весь 1930 год.